

Вырезка из газеты

ГОРЬКОВСКАЯ
ПРАВДА

11-8 МАЯ 1974

Газета №

● Мастера искусств

ПУТЬ К ГОРЬКОМУ

ЕСЛИ ЕСТЬ в актере живое и талантливое творческое начало, лучшая его роль всегда еще не сыграна, всегда впереди. Это не шаблон критического суждения, а просто признание непреложной жизненной закономерности, ее не обойдешь... И как важно, пока встречи с «заветным» еще не произошло, вовремя наметить веки верной дороги к нему.

Не слишком оригинальные слова эти сказаны об очень оригинальном, своеобразном актере Горьковского академического театра драмы, заслуженном артисте РСФСР Александре Белокринкине.

Горьковский театр для него — первый. В Горьком он учился в авиатехникуме, увлекался театральным искусством в кружке известного горьковского педагога Н. Н. Хрулева, закончил Горьковский театральный училище, и с 1951 года сцена, вот уже больше двадцати лет: Горьковский театр драмы, Горьковский театр комедии, затем работа во Владимирском театре, в течение девяти лет, и возвращение в Горький, уже со званием заслуженного артиста республики, в 1969 году. В активе — несколько десятков ролей — главных и второстепенных, больших и маленьких, «сквозных» и эпизодических...

Сценически выигрышная внешность: высокий рост, статность, четкие, выразительные черты лица, сильный голос... Эти данные долго и успешно эксплуатировались режиссурой всех театров, где довелось работать. Отсюда такой диапазон ролей и отсюда же — чувство творческой неудовлетворенности, которое как будто не покидает «благополучного» актера.

Индивидуальность — яркая и «тренированная» ролевым разнообразием, обаяние, размах, сила... Однако всего свободнее актер чувствует себя в хорошем русском драматургическом материале. Очень национальный актер! Леондро из «Испанского священника» Флетчера у

него походка на русского Ивана-царевича, а бухгалтера Уэстерби из пьесы «Миссис Пайпер ведет следствие», бездушного и циничного, «модернового» убийцу, он так и не мог актерски осилить: не давалась логика преступления без страдания, без «раскольниковского» комплекса вины.

В трудной и насыщенной психологическими «кризами» роли Стенли в «Трамвае-желании» Т. Уильямса А. Белокринкин построил простой и определенный характер — беспардонный, грубо чувственный зверь, с органичной животной жизнерадостностью и высокомерием удачливого и неотраженного самца. Болезненные же, патологические странности образа, типичные для американской современной драматургии, отошли в сторону, тем более, что в советском театре обычно идет очень измененный по смыслу вариант пьесы.

Во Владимире, в изобильном репертуаре актера попадались роли из драматургических «скороспелок» вроде «Друной» С. Алешина, но в основном «везло» на сложные характеры: поручик Яровой из пьесы К. Тренева, Максим («Чти отца своего» В. Лаврентьева), Григорий Гай («Мой друг» Н. Погорина), герой Островского Белугин, Константин из «Детей Ванюшина» Майденкова.

С особым чувством вспоминает актер Гая, хотел бы сейчас сыграть эту роль по-новому: ведь герой-коммунист из 30-х годов как нельзя более современен сегодня, а человеческие богатства образа неисчерпаемо велики.

Творческая зрелость пришла в родном Горьковском театре, после возвращения. По-прежнему актер играет роли разного содержания и всяких оттенков формы: сатирический образ Тюремщика («Забыть Герострата!» Горина) — подчеркнуты рабская психология, зоологический эгоизм и обезоруживающее простодушие персонажа; дон Педро Арагонского в комедии Шекспира «Много шума из ничего» — в схематическом, «служебном» персонаже артист нашел и барственную заносчивость, и депотизм, и насмешливую трезвость баловня судьбы.

Созданы были роли с более

разносторонней психологической наполненностью: Сартакова в «Сталеварах» Бокарева, Гриши в «Выборе» А. Арбузова, интересные телевизионные решения. Запомнился узник концлагеря Тадеуш («Пассажирка» З. Посмыш) — роль почти без текста, но явно слышно звучит грустное и строгое мужество человека, у которого нет шансов на спасение, но есть задача — выстоять морально, не пустить палача залезть в душу, сохранить гордость и презрение к врагу.

И тут возникли веки на пути к «заветному»: Репетилов в «Горе от ума», Городулин («На всякого мудреца довольно простоты»). Актер последовательно ищет в классике глубинный современный смысл.

Однако самое своеобразное, близкое по духу актер нашел в драматургии Горького. Здесь наибольший простор ценным актерским качествам А. Белокринкина — простоте и искренности, умению думать и молчать на сцене, так, чтобы результат этих размышлений был и открытием, и естественным развитием личности. — одновременно. Воплощение горьковского драматургии — трудное и почетное испытание сил актера, настоящий экзамен для его мышления, интуиции, темперамента. Формальным «штучкам» Горький не поддается, нужно брать существо роли глубинным ее анализом.

Начал «по-горьковски» действовать на сцене Александр Белокринкин в роли Якова Лаптева («Егор Булычев и другие») — веселая хитрость, деловитость, быстрота и уверенность ориентации профессионального революционера. Работа с режиссером Н. А. Покровским, народным артистом СССР, в этом спектакле

определила вкус актера к горьковской драматургии, уверенность и контакт с горьковской мыслью. Недаром в активе актера сейчас три лучших его горьковских роли: доктор Макаров в «Варварах», Чепурной в «Детях солнца» и Вася Пепел в «На дне». В хорошей простоте, с которой актер улавливает зерно каждого образа, истоки и исход реалистического метода творчества.

Доктор Макаров, озлобленный и несчастный, в своей любви к Надежде Монаховой проявляет и эгоизм ревности, и горькое понимание «нездешней» духовной красоты любимой женщины. Активный гнев против «тухлой жизни» сочетается у него с бессилием, с душевной дряблостью. В этом сложном единстве зритель находит для себя и жалость к герою, чуть-чуть презрительную, и безусловное отрицание такого социального явления.

Чепурной у А. А. Белокринкина — грубый, резкий, колючий; но в нем нет мизантропической мрачности, свойственной каноническому решению этого образа: столько в нем тщательно скрытого внутреннего света, тепла, нежности! Смерть — своеобразный протест против бессмысленного существования, вроде жизни того никому не нужного поросенка, которого герой спасает во сне. Ушла последняя цель его деятельной доброты, не нашедшей выхода, — возможность согреть, хранить своей любовью Лизу, — и жить на любых условиях он не хочет.

Виню? Да, в социальной слепоте не нашел, не попробовал еще один выход — как раз тот, единственный... Слишком быстро поверил этим детям солнца, что

спасение в смерти. Кому поверил!

Вася Пепел у актера — тоже русский добрый молодец, «не на той улице» живущий, как и другие горьковские герои. Озлобление — словно корка грязи (смыслается ведь!), доброта и душевный размах. все время прорываются сквозь внешнюю оболочку.

Белокринкин вошел в уже сложившийся и даже поставленный спектакль, его предшественник старательно играл интеллигентно-«блатную» неврастению, совсем не горьковскую, был «хлипок» внешне и внутренне и переводил действие в какое-то другое качество, противоположное замыслу авторов спектакля. С появлением Белокринкина в этой роли появилась и горьковская атмосфера в решающих сценах. И вопреки всем обстоятельствам, возникает у зрителя уверенность, что не может погибнуть такой Вася, век его не прожит. Такое ощущение от будто бы традиционного решения роли — отнюдь не традиционно, в нем по-новому сказывается волнующий, всегда обновляющий душу, умный горьковский оптимизм.

«Горьковские» приемы работы над ролью открывают большие перспективы перед актером. Он сейчас в расцвете своих сил и возможностей. На пути к совершенству, к «главной роли» надо, разумеется, и от многого избавляться: от небрежности и беспечности в обращении с ролевым материалом, от невнимания к особенностям разных жанров, от влечений актерских предрассудков, иногда проявляющихся в работе актера. Быстро остывает, устает «бороться» с невыразительной ролью (а сколько их!) — есть такой грех! В театре же до сих пор существует опасность однополового использования его, одаренности, небрежного обращения с этим богатством. Процесс — взаимный, а время жизни — в особенности в искусстве — кратко... Побольше трезвых планов и борьбы за их осуществление, разумного расчета! «Святое ремесло» художника требует своего.

А. АЛЕНСЕЕВА.